

М.Е. Сергеенко

Жизнь древнего Рима

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Е. Сергеенко**
Жизнь древнего Рима / М.Е. Сергеенко – М.: Книга по Требованию, 2023. – 336 с.

ISBN 978-5-458-36005-0

Из предисловия автора книги: «Книга эта создавалась на основе лекций, читанных мною в 1958-1961 гг. студентам-классикам Филологического факультета Ленинградского университета. Слова, что автор сам прекрасно сознает недостатки своей книги, произносятся столь часто, что они стали трафаретом и ничего не значат. Мне хотелось бы, чтобы их приняли как значащие и полновесные. И если тем не менее я решаюсь выпустить эту книгу, то объясняется это желанием хотя бы и неполно, но ознакомить нашего читателя с бытом, с обыденной жизнью Древнего Рима. Без этого знакомства нельзя как следует понять ни римской литературы, ни истории Рима. Книги, имеющиеся у нас на эту тему, очень устарели. Ввиду необозримости материала автор ограничился I в. н.э., выходя из этих рамок только в том случае, когда это действительно требовалось предметом».

ISBN 978-5-458-36005-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РИМ

Он был один; был просто город.

А. Твардовский.

Его так и звали просто «городом», и когда произносили слово «urbs», все понимали, что речь идет о Риме. Чужестранцы, побывавшие в этой столице мира, с восторгом рассказывали своим землякам о великолепных зданиях, поражавших и обдуманной смелостью замысла и несравненной роскошью отделки, о величавых форумах, о триумфальных арках, которые спокойно и неопровержимо повествовали о победах и завоеваниях Рима. Отголосок этого востороженного изумления слышится в эпитетах, сопровождающих его имя: «золотой», «вечный». Страшным образом последний из них сохранил свою силу. Рим был взят и разграблен варварами; его улицы заросли травой, на его форумах паслись коровы; храмы и дворцы превратились в развалины, но в мучительном грохоте средневековой военной возни, среди бестолковой раздробленности феодального мира глаза людей неизменно обращались к этому былому средоточию земного могущества. Даль веков скрыла темные и страшные стороны античного Рима: он казался символом государственной мощи, обеспечившей мир и благоденствие своим подданным; для людей, только накануне узнавших, что такое азбука, он был обителью, откуда лился свет просвещения и разума.

Со времен Возрождения Рим стал великой школой, куда приходили учиться художники, поэты, ученые. В Риме хорошо было заниматься не только древней историей; история здесь сбрасывала с себя школьное и книжное одеяние; она входила в сегодняшний день как живое вчера: языком развалин, камней и надгробий Рим рассказывал, чего достигло прошлое, на чем оно споткнулось, решать какие задачи оставили предки своим отдаленным потомкам.

А начало вовсе не предвещало этой будущей славы. На вершинах нескольких холмов в беспорядке стояли хижины, сплетенные из ветвей и обмазанные глиной (рис. 1). Столб в середине хижины поддерживал соломенную или тростниковую крышу; дым от очага выходил в отверстие над дверью, над которой прилаживали иногда навес. Очаг был переносной, а в каменном полу были прорублены канавки для стока воды. Место, где устроились эти древние поселенцы, представляло собой путаницу оврагов, ложбинок, заболоченных низин и мелководных речушек, стекавших с холмов, амфитеатром расположенных на левом берегу Тибра.

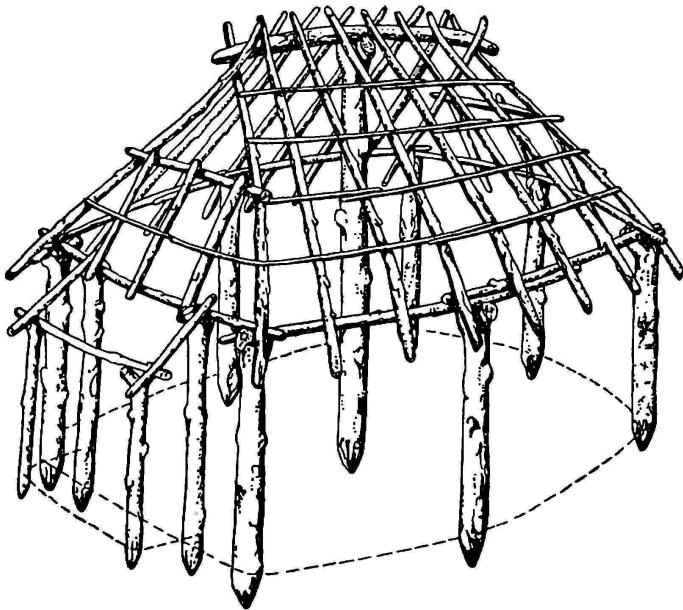

Рис. 1. Хижина VIII в. до н. э. Реконструкция.
(A. Voëthius. The golden house of Nero, рис. 1).

Страбон, размышлявший о том, какие экономические преимущества этого места содействовали возвышению Рима, выразительно подчеркивает, что было оно выбрано не по трезвому учету его выгод, а по необходимости.¹ Хорошие места были заняты, приходилось довольствоваться тем, что оставалось. Можно, однако, представить себе, что в этой местности привле-

кало древнейших насельников: холмы, пусть и невысокие (одни немногим выше 50 м, другие немногим ниже),² иногда крутые и обрывистые, были все же естественной крепостью, а заболоченные ложбины, превращавшиеся иногда в настоящие болота, делали эту крепость еще надежнее. Кругом росли леса и били ключи; чистая вода, материал для построек, топливо и дичь были под рукой. Возле протекала большая судоходная река: легко было подняться вверх и спуститься вниз; можно было и завязать торговлю с кем нужно; можно было при случае организовать и разбойничий набег.

В VII в. до н. э. население этих поселков, живших совершенно обособленно, начало объединяться, и в VI в. под влиянием и под властью этрусков Рим стал уже настоящим городом. Он растет; сначала центр незаметной страны, он становится столицей мощного государства и в конце концов столицей мировой державы. И те преимущества, которые привлекали древнейших насельников к этим холмам и низинам, оказываются теперь недостатками.

Холмы круты, на них трудно взбираться; несмотря на все работы по осушке заболоченных мест, которые начались еще до Тарквиниев, малярия не переводилась в городе и каждую осень собирала обильную жатву; улицы узки и кривы; «при всем своем могуществе римляне не могут их выпрямить», — ядовито заметил Диодор (XIV.116.9). Эти улицы, улочки и переулки выются в долинах, карабкаются на холмы; в этой переплетающейся сети нет ни системы, ни порядка: «самый беспорядочный город в мире», — скажет А. Боециус, крупнейший знаток античного градостроительства.

Римляне позднейшего времени испытывали некоторое смущение от этой «бесплановости» своего города и объясняли ее спешкой, с которой он отстраивался после страшного галльского погрома (390 г. до н. э.).³ Цицерон с досадой противопоставлял широкие, хорошо распланированные улицы Капуи жалким улочкам Рима (*de leg. agr.* II.35.96). А к этим исконным недостаткам присоединились новые, постепенно создаваемые исторической обстановкой.

Значение Рима растет и население его увеличивается; Рим притягивает к себе людей отовсюду — с жильем становится трудно; квартир не хватает и строиться негде. Отсутствие таких средств сообщения, какими располагаем мы, делает невозможным возникновение пригородов, окружающих наши большие города. Те, кто своим трудом зарабатывали себе хлеб, кто был связан с государственной, судебной или деловой жизнью, вынуждены жаться к местам, где можно найти работу и сбыт продуктам этой работы, где находятся официальные учреждения и совершаются торговые и денежные операции. Для человека богатого необходимости тут, правда, нет: он обзаведется «восьмью ладными молодцами», которые и пронесут среди расступающейся толпы его носилки, где «он будет читать, писать или спать и прибудет на место раньше пешеходов» (*Liv.* 3.239—241), но ремесленник, мелкий торговец, клиент о таком способе передвижения и мечтать не могут. И Рим уже в конце республики и еще отчетливее при империи распадается на две части: Рим холмов и Рим пизин, лежащих между этими холмами. Они во многих отношениях непохожи один на другой. Воздух на холмах здоровее и чище («*colles saluberrimi*» — «холмы очень здоровые», — скажет Цицерон), там много садов и парков, торговля жметя в сторону, и хозяевами здесь особняки (*domus*), прибравшие для себя площадь, которую надо высчитывать в гектарах. Здесь живут люди, которым случается взойти на императорский престол, первые сановники государства, представители старых аристократических родов, обладатели огромных состояний — те, кто хочет и может обеспечить себе тихий досуг вдали от торговой толкотни, от крикливой, шумной и деятельной суеты улиц, проложенных в низинах.⁴

УЛИЦЫ

Центром государственной и общественной жизни древнего Рима была одна из низин — Форум; и как Рим был просто «городом», так и форум республиканского времени назывался только «форумом», без всяких дальнейших определений. От него во все стороны расходились улицы; и на этих улицах, пробиравшихся между холмами, и сосредоточивалась главным образом торговая и ремесленная жизнь города.

Самый Форум уже в IV в. до н. э. был окаймлен торговыми рядами: по южной его стороне шли Старые лавки (*tabernae veteres*), напротив расположились Новые (*tabernae novae*). Здесь была школа, которую посещала Виргиния; и у мясника, торговавшего тут же, отец ее выхватил нож, которым заколол дочь, спасая ее от бесчестия. Когда по сторонам Форума место торговых рядов заняли базилики (Порциева и Эмилиева), лавки разместились в них. И только постепенно торговая жизнь отхлынула от Форума, переместившись на Священную Дорогу, соседнюю улицу, а позднее на форум Траяна.

Священная Дорога, соединявшая Форум с Палатином, начиналась на Велии около храма Ларов (здесь она называлась Верхней Священной Дорогой — *Summa Sacra Via*) и спускалась к восточной стороне Форума (рис. 2). В начале империи лавки окаймляли ее сплошь, но после того как был выстроен форум Мира и храм Фаустины,⁵ они сдвинулись к югу, скучившись между аркой Тита и домом, где жили весталки (*atrium Vestae*).⁶ Здесь сосредоточилась торговля золотыми вещами и драгоценными камнями, но верхний конец улицы облюбовали торговцы цветами и фруктовщиками. Овидий рекомендовал именно здесь покупать «сельские дары» возлюбленной (*am.* 1.8.100; *a.a.* II. 265—266), и уже Варрон писал, что тут продаются такие плоды, что за них надо расплачиваться золотом (*r.r.* I.2.10).⁷

К северо-востоку от форума шел Аргилет, одна из оживленнейших улиц Рима с бойкой торговлей и людской толчеей. Нижняя часть этой улицы, застроенная частными домами, была превращена Домицианом и Нервой в *forum Transitorium* (Проходной форум). Тут были книжные лавки (*Mart.* I.3.1); эпиграммы Марциала продавались у Атректа в числе прочих новинок, объявлениями о которых хозяин лавки увешал дверные косяки (*Mart.* I.117.10—17); «многочисленные сапожники захватили улицу в свое владение» (II.17.3). Поблизости когда-то находились здесь глиняные карьеры, и улица, вероятно, от них и получила свое наименование (*argilla* — «глина»).⁸

Аргилет вливался в Субуру — долину, которая шла между Оппием и южным склоном Виминала; под именем Субурского взвоза она продолжалась между Оппием и Циспием и оканчивалась у Эсквилинских ворот. Начало ее — «устье Субуры» — на-

ходило, вероятно, где-то недалеко от штаб-квартиры городского префекта, «где висят окровавленные плети палачей» (Mart. II.17.1—2). Эту улицу Ювенал называл «кипящей» (11.51); из этих слов и схолии к ним можно заключить, что она действительно напоминала кипящий водоворот. Марциал, жаловавшийся на вечный грохот и гвалт, стоявший на римских улицах, особо выделяет Субуру: «крикливая» (XII.18.2). На этой толкучке торговали всем, что требуется в повседневном быту: съестным, начиная от простой дешевой еды — капуста, опавшие маслины,

Рис. 2. Священная Дорога (Sacra Via) по направлению к Велии.

(S. P l a t h e r — T h . A s h b y. A topographical dictionary of ancient Rome, рис. 45).

козлятина, яйца, куры (Mart. VII.31), — и кончая дорогой заморской дичью (Iuv. 11.137—141), одеждой, железным товаром, обувью.⁹ Здесь же продавались всякие притирания и разные принадлежности туалета: Марциал, издеваясь над какой-то Галлой, говорил, что ее волосы, зубы и брови приобретены «в середине Субуры» (IX.37). И здесь же, наконец, обитали «девушки не очень доброй славы» (Mart. VI.66.1—2), «субурские наставницы» в любовных делах (XI.78.11), которые умели, по словам поэта, не просто «обстричь», а наголо «обрить» гостя (II.17.5). Гораций поселил здесь свою страшную Канидию, отдаленную прабабушку шекспировских ведьм, которая оскверняет могилы и убивает детей для своего чародейства (epod. 5).

От Форума к югу-западу начиналась, пройдя между Юлиевой базиликой и храмом Кастора, Этруская улица (*vicus Tuscus*), главная артерия, связывавшая Форум с Велабром, Коровьим рынком и Большим Цирком. По всей вероятности, улица эта получила свое название потому, что здесь расселились этрусские мастера, собравшиеся в Рим на стройку храма Юпитера Капитолийского.¹⁰ Здесь стояла статуя Вортумна, «который есть главное божество этрусков» (*Var. l.l. V.46*). Судя по тому что позднейшие комментаторы к Горацию и Цицерону называют эту улицу *vicus Turarius* — улица Благовоний, здесь была сосредоточена торговля ладаном и всякими ароматами. Рядом с ней следует поместить торговлю тканями и одеждой, преимущественно дорогими: Марциал жаловался, что его возлюбленная требует от него «первосортного шелка с Этрусской улицы» (*XI.27.11*); в надписях упоминается *purpurarius*, т. е. торговец или тканями, окрашенными в пурпур, или готовой одеждой из этих тканей (*CIL. XIV.2433*) и просто торговец одеждой (*CIL. VI.9976*), оба с этой улицы.

Обитатели Этрусской улицы слыли людьми сомнительной репутации: Плавт говорил, что там живут те, кто торгует собой (*Circ. 482*); «бессовестный народ с Этрусской улицы» — честил их Гораций (*sat. II.3.228*). Мы не знаем, было ли это мнение справедливо; может быть, здесь сказалась старинная нелюбовь к этрускам, столь яркая уже у анналистов IV в. до н. э.

Этруская улица пересекала Велабр, ложбину между северо-западным склоном Палатина и Капитолием. Когда-то и Велабр, и Форум были болотом, по которому плавали в маленьких челноках. Поэты августовского времени любили вспоминать об этих младенческих годах Рима (*Ov. f. VI.401—405*; *Tib. II.5.33—34*). При империи это «самое оживленное место в городе» (*Marc. sat. I.10.15*), с бойкой торговлей. Бестолковый юнец у Горация, получив отцовское наследство, вызывает с раннего утра к себе домой «рыбака, птицелова, фруктольца, колбасника . . . весь рынок с Велабром вместе» (*sat. II.3.227—229*). Схолиаст замечает к этому месту, что на Велабре торговали преимущественно съестным, в том числе вином и маслом. Парасит в одной из комедий Плавта жалуется, что над его шутками никто не смеется: «. . . все сговорились, словно продавцы масла на Велабре» (*Capt. 486*). Большой известностью пользовался велабрский копченый сыр. Марциал, понимавший толк в еде, сочинил сопроводительную надпись к головке такого сыра: «Только тот сыр, который впитал в себя велабрский дым, вкусен; не на всяком очаге изготовят хороший сыр, не любой дым придает ему вкус» (*XIII.32*). Плиний пишет, что козий сыр особенно вкусен, если его выкоптить свежим; «изготавливаемый в самом городе предпочтительнее всех остальных» (*XI.241*). На Велабре торговали, видимо, сыром местного изготовления из здешних сыроварен.

Непосредственно к Велабру примыкал Коровий Рынок; здесь, как указывает само имя, в древности шла торговля скотом. Площадь эта начала рано застраиваться; уже к началу Второй Пунийской войны здесь стояли многоэтажные дома: в начале Второй Пунийской войны бык, убежав с рынка, взобрался по лестнице на третий этаж; это сочли зловещим предзнаменованием (Liv. XXI.61.2).

Рядом с Этрусской улицей шла Яремная, получившая свое имя или от мастеров, работавших ярма и заселивших эту улицу, или от алтаря Юноны Юги (Iuno Iuga), соединявшей людей брачным ярмом (Fest. 92). Улица эта огибала Капитолий и представляла собой часть древней торговой дороги, проходившей здесь, когда и Рима еще не было и сабиняне приходили за солью к солончакам в устье Тибра.

Взвозов и сейчас в Риме существует достаточно, несмотря на все изменения, которые испытала поверхность города под воздействием и природных сил, и людской деятельности.¹¹ Современные римские взвозы могут дать представление об античных. На некоторых холмах дорога для повозок была только одна. На Паладин можно было въехать со Священной Дороги по Паладинскому взвозу (clivus Palatinus), а с Велабра — по взвозу Победы (clivus Victoriae), который огибал холм и поднимался на него с севера; на Капитолий въезжали по Капитолийскому взвозу (clivus Capitolinus); им заканчивалась Священная Дорога. Это был единственный доступный для повозок путь на Капитолий, по нему поднимались колесницы триумфаторов и по нему же спускались в долину Большого Цирка повозки с изображениями и символами разных божеств. Для пешеходов были устроены лестницы — *scalae* или *gradus*. С Форума на вершину Кремля (Arx) вели *Scalae Gemoniae* и *gradus Monetae*:¹² первая начиналась около старой тюрьмы (*carcer*) и поднималась до самой седловины (*Asylum*), разделявшей две вершины холма; вторая была ее продолжением и шла от седловины к храму Юноны Монеты¹³ на вершине Кремля. По лестнице в сто ступеней, получившей по числу их и свое имя — *Centum gradus*, поднимались на Капитолий со стороны Велабра. Лестница Кака (*scalae Caci*)¹⁴ вела с Палатина к Большому Цирку, а с Форумом его соединяла лестница Колец (*scalae Anulariae*), названная так по находившимся вблизи мастерским ювелиров, изготовлявших кольца.

Мраморный План позволяет составить представление об этих римских лестницах. На двух обломках (*frgm.* 114 и *frgm.* 173) изображены две лестницы, местонахождение которых, к сожалению, нельзя определить. Первая из них — монументальная (около 56 м длиной и около 18 м шириной внизу и около 10 м вверху); посередине она разделена широким барьером, который делит ее на две половины. После каждых 4—5 ступенек площадка.

На второй лестнице (40 м длиной и шириной 7 м) после каждых 8—10 ступенек сделаны площадки шириной 4 м.

Свидетельство современников о том, что улицы древнего Рима были узкими и извилистыми, подтверждается и Мраморным Планом, и остатками раскопанных античных улиц. Самая большая ширина их 6—7 м (ширина взвоза Победы—8 м — исключение). Священная Дорога в своем начале не превышает 4.8 м, а в самом широком месте достигает 6.5 м; ширина Капитолийского взвоза — 6 м, Этрусской улицы — 6.5 м, Яремной — 5.51 м. Улицы обычно были не шире 4.5—5 м (по законам Двенадцати Таблиц от V в. до н. э. улицы не должны быть уже 4.74 м). Переулки и тупики были еще уже и часто не достигали в ширину даже и 3 м.¹⁵

Можно представить себе, какая толкучка и толчея были на этих тесных улицах, если здесь шла бойкая торговля и жило ремесленное население, например на «грязной и мокрой» Субуре, на Велабре, на Этрусской улице. Совмещение пешего и конного движения приводило, конечно, к непрерывной цепи несчастных случаев, и Цезарь в законе о городском благоустройстве (*lex Julia municipalis*, 45 г. до н. э.) запретил всякому конному транспорту въезд в Рим после солнечного восхода и до заката.¹⁶ Исключение было сделано только для телег, которые ввозили строительные материалы для храмов и общественных зданий и вывозили из города мусор, а также для триумфальных колесниц и повозок, ехавших в торжественных процессиях. В некоторые праздники могли ехать в повозках весталки, *rex sacrorum* и фламины.¹⁷

Судя по описанию Ювенала, нельзя, однако, сказать, чтобы движение на римских улицах было свободным и легким: «Я тороплюсь, но мне преграждает дорогу толпа впереди; идущие сзади целым отрядом напирают мне на спину. Один ударяет меня локтем, другой ударяет крепким шестом, кто-то стучает по голове бревном, кто-то метретом. Ноги у меня в грязи по колено; куда ни повернись, тебе на ногу наступает здоровенная ступня, гвоздь солдатского сапога вонзается в палец. . . разорвали только что починенную тунику; подъезжают дроги, на которых вихляются еловые бревна; на других повозках везут кучу сосновых балок, они угрожающе покачиваются. А если надломится ось в телеге с лигурийским мрамором и вся эта гора опрокинется на людей? Что останется от их тел?» (3.243—259).

Набережной в нашем смысле в древнем Риме не было. Вдоль реки, подходя к самому берегу, тянулись ряды строений, преимущественно складов, с площадками для выгрузки судов; от этих площадок к самому Тибру спускались невысокие лестницы, по которым грузчики вносили наверх товары. За складами начинались улицы, одни параллельно Тибру, другие перпендикулярно к нему.

Улицы часто назывались по тем ремесленникам или торговцам, которые там обосновались. На Эсквилине возле храма Ма-

тери-Земли проходила улица Сапожников — специалистов по выделке сандалий (*vicus Sandalarius*), спускавшаяся к Субуре и пересекавшая ее. На этой улице Август поставил знаменитую статую Аполлона, которая и стала именоваться по улице — *Apollo Sandalarius*. Была улица Шорников (*vicus Lorarius*, — *CIL. VI.9796*); где она находилась, неизвестно; улица Хлеботорговцев (*vicus Frumentarius*) по соседству с хлебными складами на Тибре под Авентином (*CIL. VI.814*). На Авентине был взвоз Капсариев (капсариями назывались люди, под охрану которых моющиеся в банях отдавали свою одежду). В одной из надписей упоминается «капсарий из Антониновых терм» (*CIL. VI.9232*); большинство жителей этого взвоза состояло, очевидно, из капсариев, обслуживавших термы Каракаллы.

Иногда улица получала имя того, кто ее проложил: взвоз Пуллия, ведущий от Субуры к западной оконечности Оппия, и взвоз Коскония (где находился, неизвестно) были названы по имени своих устроителей (*Var.l.l. V.158*). Публициев взвоз, по которому можно было въехать на Авентин («раньше это была крутая скала», — *Ov. f. IV.280—294*), был устроен и вымощен Луцием и Марком Публициями Маллеолами, курульными эдлами 238 г. до н. э. Они употребили на это дело штрафные деньги, полученные с крупных скотоводов, нарушивших закон о норме скота, который разрешалось пасти на государственных пастбищах (*Var.l.l. V.158; Fest. 276*). Иногда название улице подсказывала легенда или историческое воспоминание: на Авентине улицы Большого и Малого Лаврового Леса (*vicus Loreti Maioris* и *vicus Loreti Minoris*) проходили по тому месту, где раньше росла лавровая роща (*Pl. XV.138*). «Их называли так или потому, что здесь похоронен царь Таций, которого жители Лаврента убили, или же потому, что здесь рос лавровый лес, который потом срубили и на месте которого построились» (*Var.l.l. V.152*). «Проклятой» называлась улица на Эсквiline, где, по преданию, Туллия переехала через труп своего отца Сервия Туллия (*Liv. I.48.7*). На Патрицианской улице (*vicus Patricius*) «жили по приказанию Сервия Туллия патриции: если бы они что-либо замыслили против него, их можно было бы одолеть, действуя с высот» (улица шла в низине между Циспием и Виминалом); таково по крайней мере объяснение Феста (247). Иногда имя определялось каким-нибудь характерным признаком самой улицы: Высокая Тропа (*Alta Semita*) проходила по гребню Квиринала, Длинная улица (*vicus Longus*) пересекала всю долину между Квириналом и Виминалом, Пыльная (*vicus Pulverarius*) находилась возле ломок пуццоланы между Аппиевыми и Ардеатинскими воротами. Были улицы, названные по владельцу какого-нибудь дома, по храму или памятнику: улица Камен на Целии — по святилищу этих богинь; улица Цезетия (*vicus Caeseti*) где-то между Авентином и Тибром — по дому Цезетия Руфа, который Фульвия, жена Антония, меч-

тала приобрести. Отказ Руфа стоил ему головы (App. bell. civ. IV.29). Случалось, что имя улице давала какая-нибудь этническая группа, здесь проживавшая: Африканская улица на Эсквилине (vicus Africus) получила, по словам Варрона, это название потому, что здесь во время Пунийской войны держали под охраной заложников из Африки (I.1. V.159). Об Этрусской улице мы уже говорили.

У кварталов были тоже свои имена, которые давались часто по главной улице этого квартала: был Кривой квартал с Кривой улицей на Эсквилине (его обитатели звались vicocurvenses), квартал Матери Венеры с улицей того же имени на Авентине (его жителей именовали venerenses). На Эсквилине за Эсквилинскими воротами был фонтан со статуей Орфея, которого окружали звери и птицы (Mart. X.19,6—9); обитатели этого квартала были orphineses.

Человеку, который плохо знал Рим, приходилось трудно, если он вынужден был один, без провожатого, разыскивать нужную ему улицу и нужный дом: на улицах не было табличек с их названиями, а на домах не было номеров. К этому надо прибавить, что если главная улица квартала всегда имела название, то маленькие улочки, тупики и переулки часто оставались безымянными. Многоэтажные дома были такого же уныло-стандартного вида, как и современные многоквартирные дома в больших городах, и веселый анекдот, рассказанный автором «Риторики Гереннию» (IV.50—51),¹⁸ показывает, как легко было сбиться и запутаться в Риме. Улицу без названия приходилось определять путем описательным. Асконий в своем комментарии к утерянной речи Цицерона «За Скавра» пишет, что дом последнего находился на Палатине; надо, спустившись по Священной Дороге, взять в первую боковую улицу налево и спрашивать дом Цецины Ларга, который был консулом вместе с Клавдием: ему теперь принадлежит дом Скавра. Фест сообщает, что мусор из храма Весты за 17 дней до июльских календ выносят в тупик, находящийся почти посередине Капитолийского взвоза (466); тупик имени не имеет, равно как и улица, где жил Скавр.

Для точного указания дома называют имя его владельца: мы уже видели это у Аскония. «Ты не будешь чужой для Юлия,¹⁹ — обращается Марциал к своей книжке, которую он посылает в Рим (сам он в это время жил в Цисальпинской Галлии), — сразу же ищи его в начале Кривой улицы в доме, который принадлежал раньше Дафнису» (III.5.5—6). Имя человека, построившего дом или долго в нем жившего, иногда прочно закреплялось за этим домом: особняк, где жил Аттик, а до него еще его дядя, продолжал называться Тамфилиевым. Иногда дом находили, отсчитывая число зданий от какого-то определенного пункта. «Вот место и район, которые указал мне мой господин. . . седьмой дом от ворот; там и живет сводник, которому он велел отнести эти деньги».